

Знаете, вчера вечером умерла Валентина Степановна Голубовская. И это большое горе.

Знаете, таких, как она, уже больше нет. По крайней мере в Одессе. Есть, конечно, интеллектуалы, безусловно, есть порядочные люди, еще сохранились знатоки поэзии, встречаются добрые отзывчивые люди. Но Валя соединяла в себе все эти качества!

Я очень любил ее публикации в ФБ и все уговаривал написать третью книгу...

Мы знакомы давно. Мы сотрудничали, почти каждый вечер собираясь в фотомастерской театрального училища. О, там были очень хорошие люди. Это были 1973–74 гг. Мы много говорили, спорили... Какие-то отзвуки наших разговоров попадали в «Хронику текущих

событий»... Стучала пишущая машинка, и на папиросную бумагу ложились строки Бродского, Пастернака, Венечкины «Москва-Петушки», а в закутке в темноте кто-то трудился у фотоувеличителя, и на бумаге в проявителе возникали «Архипелаг ГУЛАГ», «Доктор Живаго»...

Вот посчитал — 45 лет знакомства. Даже больше, чем знакомства. Я нередко забегал, испросив разрешение, к Вале и Жене попить кофе. А темы для разговоров были всегда.

Я в таком возрасте, что потери неизбежны. И они были, и, увы, будут.

Но это очень большая потеря! Огромная!

Я сочувствую всем нам. А еще больше — много больше! — Жене и Ане.

Александр Бирштейн

Горе...

Валентина Голубовская — тонко чувствующий, думающий, радеющий за Одессу человек. Мне как администратору группы постоянно хотелось делать перекрестные посты с ее странички в Facebook, на которую она выкладывала все лучшее, что было сказано и написано в нашем городе и о нем. Иногда делала. Но Facebook был только частью ее жизни. Кому-то повезло дружить и общаться. Знать... Впитывать... Учиться...

Слова сочувствия и поддержки семье — Евгению Михайловичу Голубовскому, Ане и другим.

Сусанна Альперина

Каждая встреча с ней, каждое ее слово и каждый взгляд оставили в душе неизгладимый светлый след... Удивительная деликатность, достоинство, чувство красоты и настоящей щести, ум и доброта...

Валентина Степановна, спасибо за каждое мгновение...

Евгений Михайлович, Анечка, дорогие, всех слов мало, чтобы передать боль...

Елена Павлова

Наша жизнь уходит понемногу: вместе с тем, кого любили мы, кто любил нас. Жизнь измеряется любовью. Ушла Валентина Голубовская. Словно бы отщипнули кусок меня.

Олег Губарь

ЖИЗНЬ ИЗМЕРЯЕТСЯ ЛЮБОВЬЮ

Ушла Валентина Голубовская...

Кроме горя мы испытываем смятение. Так сложилось, что Валя Королёва и Таня Вербицкая познакомились много лет назад в Одесском гипрограде, где совсем юными начинали путь во взрослую жизнь. Приблизительно в те же годы в редакциях газет встретились мы с Женей Голубовским.

За минувшие десятилетия наши семьи стали близки если не как родственники, но как люди одного круга, понимающие друг друга и разделяющие одни взгляды и приоритеты. Большую часть жизни мы провели и вместе, и поблизости, но непременно — в Одессе.

И вот Вали нет с нами.

Исчезла буквально в одночасье (за считанные месяцы), катастрофически, трагично. Ушла безвременно — она была так необходима для Жени и Ани, важна для друзей, значительна и уникальна для своих учеников, читателей ее прекрасных книг о себе, о нас, об Одессе.

Фатально то, что таких, как она, вообще не много, а в нынешний век — все меньше.

Наше смятение пройдет, но уже не исчезнет горечь утраты, и воспоминания возьмут власть над большинством тех, кто знал Валентину Степановну Голубовскую. Валу.

Феликс Кохрихт

То, что с нами случилось, ужасно! Сравнимо со внезапно навалившимся безумием. Еще несколько дней назад пусть слабо, но еще тлела надежда на чудо; на то, что подступающий морок рассеется, сознание прояснится, чувства вновь обострятся, и жизнь пойдет своим чередом, как было до ошеломляющего, парализующего волю известия о беспощадной болезни. И вот нить оборвалась. Валентины Голубовской не стало. И кажется, с нею разом ушел в небытие целый мир, ибо, как выяснилось, все это ставшее привычным великолепие — нервная стихия стихов, в которую она упоенно погружала нас в Фейсбуке; остроумная легкая эссеистика в «Тикве»; полные точнейших деталей, теплые, пульсирующие красками, полные нежнейших смысловых оттенков фрагменты лирической прозы в «Гостиной»; повсюду рассыпанные реплики-наблюдения за растрепанным нашим житьем-бытьем да две замечательные, с доверительным дневниковым привкусом книги — было принципиально нашим, интимного свойства богатством, лишившись которого, мы стали нищими.

Для меня все написанное ею на молекулярном уровне сплавлено с ее живым образом — тембром голоса, очаровательной картавостью, иронически-участливым выражением глаз, классической тонкостью чувственных черт, горделивой осанкой, независимой манерой поведения, проявляю-

щейся даже в неподражаемом изяществе, с которым она разжигала вечную свою сигарету, подчеркнутым вниманием к стоящему того собеседнику и ледяной холодностью, обращенной на подлеца. С овеществленным благородством ее повседневного существования. И от этого трудно, почти невозможно отделаться, да, честно говоря, и не хочется.

Валентина была широчайше образованным специалистом, блестящим педагогом, читавшим историю искусств и всякие сопредельные дисциплины, но при этом, что случается нечасто, редкой силы литератором. Помимо удачных отнюдь не дамских в общепринятом смысле слова опытов в области прозы занималась — и как! — литературоведением и эссеистикой. Не удержусь от цитирования отрывка из статьи В. Голубовской «И больше звуков нет на целом свете», посвященной поэзии нашего земляка, проживающего в Австралии, Ю. Михайлика.

«Когда читаешь стихотворение в письме, в книге, сначала погружаешься в его содержание, в его смысл, потом откликаешься на то, как это сделано, хоть, конечно, эти два озарения — смыслом и формой — часто происходят и мгновенно. Но мне всегда нужно прочесть стихи, словно изнутри, своим безмолвным голосом бессонницы. Тогда открывается потаенное звучание стиха. Только выучив наизусть «Большую элегию Джону Донну» Бродского, я проникла в вол-

шебство ее звукописи, особенно первой части, где звук «с» завораживающе звучит в каждой строчке, иногда по несколько раз. Он рифмуется со свечой, стаканом, стеклом, ступеньками, столом, спинкой стула, склонами гор, садом, сутробами, сводом, силлабами стихов, страданиями... Он рифмуется с мистическим вселенским Снегом, Сном, Смертью...

Так в стихотворении Михайлика, читая его наизусть, я обнаружила еще одно «притяжение и отторжение» — звуков «р» и «л». Эти многочисленные «л» и «р» в русской речи стихотворения невольно заставили еще раз вспомнить строчки Бродского «Блуждает выговор еврейский на желтой лестнице печальной» и уменьшительный суффикс в словах на идише — «момэле», «бобэле», «киндерле», рыжий Мотэле, наконец... Трагическое «колеса дробящее движенье» — через гравий рассыпающегося, расщепленного времени — усиливается многократно звучащим «р».

Ловлю себя на мысли о том, что пишу о Валентине Голубовской как о живом человеке. Говорить о ней «ушла» по здравом размышлении оказалось как-то не с руки. Слишком уж тесно ее жизнь сплетена с нашими. Слишком уж животворно ее творчество. Слишком уж прямо образ Голубовской ассоциируется с феноменом культуры в общечеловеческом ее понимании, важном для нас, как атмосферный кислород...

Валерий Барановский, «Отражения»